

МИХАИЛ РАГИМОВ

ЧЕРНЫЙ ОСТРОВ

КНИГА 1

НУЖНЫЕ ЖЕЛЕЗКИ

Annotation

Курильский постапокалипс во всей красе!Медведи-мутанты, катамараны, плоты из канистр, самопалы из водопроводных труб и танковых орудий, коварные ветра и волны, щитомордники и полозы, поножовщина и алкоголизм, заброшенные погранзаставы и РТОТы, короппокуру, орланы, косатки, рыбные филины, и много другой экзотики, среди которой я живу и без апокалипсисов...)Написана на кордоне заповедника "Курильский", посреди острова Кунашир (Южные Курилы). Сбоку озеро Песчаное, спереди Охотское море, за спиной озеро Медвежье, кругом, разумеется, медведи, орланы и тюлени. Электричество в генераторе, по часу-полтора в день. Интернета нет в принципе. Поэтому писалась ручкой на бланках протоколов, потом, дома уже, потихоньку перебивалась в "цифру"...)

Михаил Рагимов

Нужные железки. Черный остров 1

Жизнь на торге была ключом. Кипела восторгом, обманом, радостью, ненавистью и прочими сильными чувствами. Напоминая то ли птичий базар, то ли суету морских блох на лаиде, полосе отлива.

– Ну как, – спросила она ласково, когда из ушей дегустатора повалил пар, – вкусно тебе? Но без этого никак. Ру шел по «едовому» ряду, не глядя по сторонам. Что он тут не видел? Из года в год выбор не меняется. Рыба, крабы, осьминоги, едвешатина, оленина и битая птица. Разве что у зеленщиков интереснее – сезон сильно менял выбор. Но и там с разнообразием не густо: папоротник, грибы, белокопытник и прочий борщевик с вялым прошлогодним кишмишем и морской капустой... Не сдержался на последних метрах. Обтер пальцы о штаны, сунул в обрезанную канистру, набил полный рот черемшовой кимчи. Начал жевать. Торговка с любопытством наблюдала, как рожа княжеского охвостья, гордо именуемого «инспектором по внезапным вопросам», становится все багровее и багровее, грозя сравниться цветом со свеклой.

– Советов твоих не хватало! – мгновенно взорвалась торговка, замахнулась двузубой вилкой – такой не черемшу ворошить, а кету по устьям бить. – Перцу ему, паскуднику, не хватило! Пожрал бесплатно, и в душу серанул! Ох, люди добрые, что ж тут делается! Совсем князьки-то вылупки охренели! Боряны! Недимона на них нет, извергов рода человеческого! Зимник-то брать пора снова! – Да знаешь, – выдохнул Ру, с трудом ворочая обожженным языком, – чего-то не хватает, при всем, так сказать, уважении. Остроты, что ли? Ты перцу не жалея в следующий раз, не жалея!

Торговку поддержали соседки, начали кричать всякое матерное и антиправительственное.

Быстрым шагом, почти бегом, Ру проскочил оставшиеся прилавки. К счастью, бабы ограничились воплями, и ничего тяжелого в спину не швырнули. Инспектор скользнул под арку. За кривым (тряхнет добротный землетрус, развалится) сооружением из древних кирпичей, давным-давно потерявших все углы – этакие обмылки рыже-красные – начиналась Промзона. Ру втянул голову в плечи, прошмыгнул мимо. Если торг взорвется народным возмущением, и инспектору отшибут голову, никто и слова не скажет. И карать не станет. А не зли податное население без нужды, глупого ухарства ради!

На Промзоне продавали железки. В широком смысле слова. Пригождающиеся, нужные и прямо таки необходимые и обязательные к обладанию.

Какой ты, к примеру, мужчина и добытчик, если у тебя нету щита с копьём или топором, или полукилометра сети? Правильно – мертвый и хреновый!

Ру миновал первые ряды, где продавали «дары моря»: разнокалиберные канистры с бутылками, пробки, буйки, ящики, кухтыли, обломки пластика на растопку и прочий хлам, которому иногда и названия не придумать – время и волны обкатывали до полной неразборчивости очертаний – прям, как арочный кирпич! Продавалось тут все. Начиная от иголок и заканчивая самопалами или факелнетами. При желании и должном навыке оперативной работы, можно бумарту сторговать. Из чудесного обрезка танкового ствола, на колесном, а то и гусеничном станке, с полным боекомплектом, рассчитанным на пару лет ожесточенного передела охотничьих угодий. А за отдельную (и немалую!) плату, к набору юного завоевателя, можно добавить команду неглухих пушкарей...

Затем инспектор оказался в оружейном ряду – будучи мальчишкой, он тут пропадал. Повзрослев, стал появляться исключительно по вопросам службы. Поскучнел маленько, растерял восторг...

Среди продавцов мелькали новые лица. Интересно, откуда явились? Вроде бы в последнюю неделю судов не приходило...

Ру подошел к прилавку одного из незнакомцев. Тот, здоровенная туша – этакий облысевший едва, сразу насторожился – крохотные глазки уставились с плохо скрываемым раздражением. Инспектор догадывался, что со стороны выглядит не особо презентабельно. И роста немного, и ширины маловато, а уж какого цвета куртка, от старости рассыпающаяся – и вовсе не угадать. На такого глянешь – сразу ясно, что ничего не купит, зато товар грязными руками перелапает, скотина этакая! А то и чего сопрет!

Инспектор хихикнул себе под нос, заулыбался. Сам спер, сам поймал, сам наказал, сам поощрил за быструю и качественную службу. Чудесно же!

На прилавке лежало четыре самопала и длиннющий факелнет. К нему-то, Ру и присмотрелся. Самопал у инспектора имелся. И казенный, и личный. Но хотелось крупнее и мощнее – чтоб едва насквозь одним выстрелом, даже если за деревом спрячется! Или вражину в доспехе, да за штурмовым щитом...

Факелнет был хорош! Колесцовый замок, ложа из отполированного бархата, ствол – дюймовая труба вся в накладках усиления. Одинарный заряд должна выдерживать, дай Кутх! Выстрелов на сто хватит. А то и двести, при везении и качественном порохе.

С другой стороны, можно без опаски уебать прикладом. От такого удара не только ежей череп треснет, но и коробак крабий трещинами пойдет Тяжесть, это надежно! Ру взял оружие в руки. Увесист! На спине долго не потаскаешь, нужен специально обученный человек – носильщик-станок. Или с лодки бить...

– Почему?

– По деньгам, – ответил, как сплюнул продавец.

– Так ты корову не продашь, мужик... – снова хихикнул инспектор, и продолжил, – по деньгам, говоришь? И без обмана? С меня денежка, с тебя ружье? Правильно понимаю?

– Правильно! – кивнул громила, не уловивший подвоха.

Остальные оружейники, большинство из которых Ру узнало бы в любом виде, начали переглядываться, предвкушая бесплатное представление.

– Так я согласный! – заулыбался инспектор. – Даже не одну дам, а целых десять!

И, аккуратно положив на прилавок монету, перекинул факелнет за спину. Замок ударил по крестцу.

– Не, надо ремень подтягивать...

Продавец уставился на ржавую монету. Взял. Повертел. С одной стороны – двуглавый орел, с другой надпись «10 рублей».

– Говорю же, без обмана!

– Ты, бля, чо?! – некормленным едведем взревел оружейник и полез через прилавок отбирать свое. Прилавок, конечно, перевернув. Самопалы полетели в грязь.

Продавец был раза в два тяжелее Ру, а уж сильнее, наверное, на порядок. Свое отобрал с легкостью, чуть не оторвав инспектору руку. Перехватил факелнет за ствол, размахнулся...

Ру скользнул под прикладом, с хрустом проламываям воздух. Подскочил вплотную к громиле и с размаху впечатал в нос удостоверение. Ударил локтем, метя в скулу. Жертва в последний миг дернула головой, и удар пришелся в ухо. Опешивший от столь молниеносного

развития событий оружейник рухнул на задницу. Бессмысленно начал разевать рот – такая рыба-собака с ногами вместо плавников. И тиной в голове.

– Спецоперация! – заорал в уцелевшее ухо Ру и снова ударил ксивой. Чеканить удостоверения на толстых медных пластинах с отверстиями под пальцы – прямо таки гениальное изобретение! Заодно, по синякам, сразу видно, кто задерживал злодея. Никто добычу не уведет!

Тут инспектор уловил подозрительный блеск под ногами. Однако пришлось еще несколько минут разяснять набежавшим продавцам, что бить злодея, который только что задержан, с одной стороны, педагогично. Однако можно увлечься и забить до смерти. А это карается законом и вообще портит имидж родного Руруя. Да и вообще, к чему такая жестокость, если бедняга и так еле шевелится?

Потом рассмотрим подробнее, а куртку можно и постирать, если долго дождей не будет. Обтер, не глядя, пальцами, чувствуя, как начало колотиться сердце. Наконец патриоты разошлись крепить честь города и личное благосостояние, оставив инспектора наедине с жертвой. Ру уловил момент. Нагнулся, нашарив блестяще-подозрительное. Сунул в карман вместе с грязью – и как потом в приличном на службу ходить? Слушай тех умников, в дышло их сношать!

– Завтра жду в управе. Прямо с утра. Но ты один не приходи. Вы мне вдвоем нужны. Ты и история о том, что у тебя на прилавке лежало. Блестящее такое, остро-круглое. Но история о том, где ты такие штуки расчудесные взял, должна быть не только убедительной, но и честной. А то шомпол в ухо суну. Или повесим тебя, за нападение на должностное лицо при исполнении. Все понял? Инспектор похлопал до сих пор слегка оглушенного продавца по плечу. Помог встать на ноги. Удержал от нового падения. Когда убедился, что оружейник стоит относительно прямо и больше не норовит шлепнуться затылком в грязь, тихо проговорил, глядя в мутные глаза:

– А... Я тебя, вас, как найду? – просипел громила. – Вас зовут как?

– По? – вдруг спросил оружейник, – это фамилия ваша? – Зовите меня просто – Элвис Пресли, – хохотнул Ру. – На калитке скажешь, что по важному делу к инспектору по...

– «По внезапным вопросам», – закончил Ру, – перебивать других – отвратительная привычка. Запомни на всю жизнь. Про неуважение к покупателям ты, думаю, и сам догадался.

– Ага...

– Да, кстати, сколько денег ты за ружье хотел?

– Пять тысяч, – просипел громила, не отрывая взгляда от грязного кармана инспектора, – но тебе, вам, в смысле, отдам за четыре!

– Откуда такие цены при нашей зарплате? – Ужаснулся Ру. – Правильно я сделал, раз тебе нос сломал!

– Три сэмсот! – Приободрился продавец.

– Саппоро-то поближе будет. – У меня и двух нет, – признался Ру, – дожили, блядь! Чтобы самопал купить, нужно Родину продавать! Какому-нибудь Фурукамаппу сранному! Енинцам, нахрен!

Продавец побледнел, закрыл рот ладонью, похожей на лопату... – Расхрабрился? – Одобрил Ру. – Вот и правильно, вот и хорошо. Не придется тебя за язык плоскогубцами таскать. Сам, значит, и расскажешь, почем продался, что успел сообщить, какое задание на диверсии...

– Поздно! – Продолжал веселиться Ру. – Я все услышал и запомнил! Впрочем, ладно, пойду я помаленьку, пока ты штаны не обделал. И да, – инспектор внимательно посмотрел на избитого гостя столицы, в глазах которого так и читались волны, ворованные лодки с одним веслом, тугие паруса и прочие глупости, – даже не думай. Тебя не из города, тебя с торго не выпустят, дурилка толстомясая!

Две лодки, одна за другой, скользили по водной глади бесшумно – только редкие капли воды срывались с весел, да тяжело дышали гребцы – путь выдался долгим. Вышли ведь еще засветло.

Но темная, почти черная полоса берега становилась все ближе. Еще немного, еще чуть-чуть...

Сидящий на носу головной, ломая глаза, вглядывался в толщу воды – дно коварное, можно с разгону вылететь на каменную плиту литорали. Лодка выдержит – строят с расчетом на подобные внезапности. Но лучше не стоит – поднимется шум, начнется суeta. И дело пойдет коту под хвост-обрубок!

Столь опасные плиты, как ни странно, не были очередным наследием предков. Когда они образовались, предки предков болтались мутной каплей на конце у эволюции, и были в мелкую, почти не различимую чешуйку. У кого чешуйка белая, у кого желтая, а у кого слегка обрезанная и с двумя волосинками по краю. У некоторых еще и хвосты имелись. Наверное.

Кордон выдохнул, потряс головой, ощущая, как гудит шея. В который раз удивился тому, как много в голову лезет лишней чепухи, когда час за часом занят монотонной работой... Плиты – наследие очень далеко прошлого. Когда-то тут все тряслось, подпрыгивало и извергалось лавовыми потоками. Два вулкана, будто соревнуясь, перекачивали из-под земли потоки расплавленного камня, плевались пемзой и шлаком – развлекались на все деньги. Попутно выстроили Черный остров. Один из множества, но при этом – особенный. Масштабы тогда были – о-го-го! Всерьез, по-взрослому. Если бы потом мир тряхнуло хоть в одну десятую той мощи, то хрен бы предки случившееся пережили, несмотря на все свои чудесные железки. И вместо нас, людей, развалинами мира правили бы едведи. Или дельфины.

– Есть контакт! – прошипел с носа Ильф. – Осторожненько!

– Помалу! Гребцы выдернули весла из воды. Разогнанная лодка пролетела еще несколько метров, плавно замедляясь. Ильф лихорадочно загребал, разворачивая нос на нужные градусы.

Расхватали оружие – почти все оно, кроме, конечно, ножей, лежало на пайоле, под старым, но еще крепким тентом. С щитом на руке и топором в зубах пусть вайкинги в волны сигают! Им для красоты ведь, не для дела! Не зря лохмы такие носят. Пидоры не наши. Начали загребать. Лодка еле ползла, казалось, что и вовсе стоит на месте. Только волны мимо проходили, одна за другой... – Приготовились! Киль зашуршал по песку. Команда поплюхалась в воду. Дружно ухватившись, вытащили лодку на берег. Не слишком, разумеется, усердствуя. Скоро отлив. Море отойдет почти на метр. И тащить единственный шанс на спасение, увязая, пыхтя и отбиваясь от наседающих врагов, занятие такое себе. Несколько неприятное. В паре метров от них, начала высаживаться вторая команда – у них получилось хуже, кто-то поскользнулся на обросшем водорослями камне, ухнул с головой. Вынырнул, отплевываясь.

Сразу за узкой полосой песка, вздымался подмытый обрыв платформы. Земляная стена в

пять метров.

– Провод! – окликнул разведчика Ильф.

– Думаю! – отозвался тот. В темноте не разглядеть, но рожи он в этот момент корчил отменно – Кордон ходил с разведчиком не первый раз, насмотрелся. Типа демонстрировал умственную деятельность. Мудила.

Наконец Провод махнул рукой направо.

– Метров двести в ту сторону! – проговорил, почти прокричал разведчик. Шептать сейчас смысла не было – звуки тонули в прибое, как в мешке шерсти – сразу и глухо. Без пузырьков.

И запрыгнули. Оказавшись перед новой преградой. Заросли шипшовника невысоки – по грудь от силы. Но каждая веточка усеяна зазубренными колючками в палец длиной. Сквозь шипшовник не каждый едва ли пройдет – тут панцирь нужен как у краба. Обе команды, став одним отрядом, пробежала в указанном направлении. По дороге проклиная ковер из водорослей – его занесло песком, и пока не наступишь и не начнешь проваливаться, хрен поймешь! А ногу ведь подвернуть – легче легкого. Провод не ошибся. Обрыв проседал почти к лайде, затем снова уходя в высь. Но места, чтобы залезть, хватало. Еще и вывороченные комья земли с торчащими во все стороны корнями – такие ступени. Хоть по трое в ряд запрыгивай!

– Точно! – завопил вдруг, словно укушенный. – Вспомнил! Нам сюда! – Приплыли! – буркнул Кордон, с тоской оглянувшись на громаду моря за спиной. Ему изначально не нравилась эта затея и этот план. А уж то, что отряд слили из двух команд – это прям, ни в одну сеть не лезло! Еще и Моржового старшим назначили! Тут три четверти перетопить надо от греха, а не серьезные дела ворочать! Или лучше едва ли на съедение отдать?.. Кордону вообще ничего не нравилось. – Ничего, ничего! – заозирался Провод. – Все нормально! Сейчас урегулируем! Разведчик закрутил головой, что твой филин – даже волосы дыбом встали, будто «уши».

И храбро ломанулся прямо через шипшовник. Кусты распахнули колючие объятия. Кордона передернуло – на шипах могла остаться не только одежда, но и клочья мяса. Однако, безумный проводник, хоть и ругаясь без остановки, пер напрямик. И ничего не оставалось, кроме как следовать примеру.

– Вот нет, чтобы предупредить! – Ильф, не удержавшись, треснул разведчика по затылку. Вышло удивительно звонко – как по пустой канистре. Как ни странно, но разведчик оказался прав – или угадал?.. Буквально через метр-полтора кусты кончались, начиналась тропа. Когда-то едвужья, но сейчас, судя по мусору и свежесрубленным веткам, вполне человеческая.

– Обожаю сюрпризы! – развел руками Провод, глупо загыгыкал.

– Сука ты, цитадельная, – прошипел сквозь зубы Кордон. К Проводу он давно и прочно испытывал лютую неприязнь. Таковую, что хоть зови выйти поговорить. И чтобы только один после разговора со двора вернулся.

– Я все равно знаю, что вы меня безмерно любите и бесконечно цените! – снова засмеялся Провод. – И обзываетесь исключительно из большой любви.

– Ох, и получишь же ты пизды когда-нибудь, – протянул Ильф, – Ладно, хорош зубы сушить. Нам куда, направо или налево?

– Так огни же с воды видны! – удивился разведчик. – Налево, конечно.

– Я за тобой следил, чтобы из лодки не выпал случайно. А не по сторонам пялился.

– Ага, ага, – закивал Провод. – Идем налево, первый пост где-то через пару километров. Дойдем быстро, если едва тропу не перекроет.

– Обойдемся без внезапностей, – сплюнул Ильф через плечо и погрозил разведчику кулаком. – Нам тебя для счастья хватает.

– Я же говорю, любите вы меня, только стесняетесь признаваться.

Отряд быстрым шагом двинулся по тропе. Провода командир отправил вперед – место разведчика в авангарде, и если на едва наскочат, то зверь его схарчит и ни один человек не пострадает.

Ибо нехуй. Пара километров по утоптанной тропе это быстро. А потом Фурукамаппу будет наказан и частично разрушен.

Глава 2

– Говоришь, торгаш не наш, не местный?

– Совершенно верное замечание, ваше ясновельможное светлое княжеское величество! – выпучив глаза, оттарабанил Ру.

– Прекращай, – Светлый князь Руруйский и Напурийский, самодержец гор, лесов, берегов и чуточки акватории, отмахнулся от очень уж старательного подчиненного, – мы же не на приеме!

– Вы меня в коридоре ждать не заставили, сразу приняли, а посему – в некотором роде, таки прием!

– Знаешь, – князь внимательно посмотрел на инспектора, – я все лучше понимаю тех, кто хочет шею тебе скрутить.

– Это они сугубо от зависти к моему острому уму и восхитительному чувству юмора!

– И грандиозной скромности.

– Не без этого, – потупился Ру.

– Так вот, – продолжил князь, – возвращаясь к твоему острому уму. Торгаш, как мы выяснили, не местный. Так?

– Так.

– Ну а тогда какого хера ты все то блядство устроил?!

Князь во вспышке гнева был страшен. Ру, без крепкой рогатины в руках, почувствовал себя крайне неудобно.

– В смысле...

– В коромысле! Ты, бля, совсем охренел, что ли?

– Так он вел себя нагло, – попытался отбрехаться Ру, искренне не понимая, что случилось. – И опять же, патроны...

– После того, как ты начал выделяться, не? И с патронами тоже, мать твою за ногу, да волной пополам! Я же вот спорить готов, что ты их не сразу заметил, а когда карманы проверял. Ведь так?

– Ну почти...

Князь выдохнул, явно сдерживаясь, чтобы не ответить в рифму и матерно.

– А теперь смотри, как весь этот расклад выглядит со стороны. Приезжает к нам человек. И что?

– Ну...

– Елку гну! Его на глазах толпы избивают, грабят, чуть ли не тюрьму садят. И за что? Да просто так! Княжескому человеку захотелось покуражиться. Власть свою показать, седой писькой поразмахивать! Что-то сказать хочешь? – князь посмотрел на Ру. Но тот только руками развел.

– Хуже боряна какого-то себя повел! В старые времена тебя бы с берега столкнули. Или отправили крабов собирать. Голыми руками!

– Готов испугать, – пискнул Ру. Что ему еще оставалось?

– Глупость твою постыдную мы в подвиг определим. – Князь поднялся из кресла, подошел к столу, на краю которого стояли в ряд четыре патрончика. Игрушечных на вид. Блестящие, с чуточку потускневшим лаком на поясах... – Но потом. Возвращаемся к делу.

– Этот, который Врадлен Исхакович, притащил их на продажу. Нам не принес, потому

что опасался, что не дадим настоящей цены, – хрипло проговорил Ру.

– И правильно сделал! Ведь не дали же! Еще и нос сломали...

– Я в лоб бил!

– У меня бы силы не хватило... – Да какая, в общем, разница, куда ты его бил, если нос сломан? Хорошо, череп не проломил.

Князь только тяжело вздохнул.

– Вот вроде бы и лет тебе много, а ума, как на одном месте сала... Ладно, снова отвлеклись.

– Патроны к «Калашниковым». На вид – как новые.

– Где-то завелся великий маг и волшебник с лютым станочным парком?

– Почти свежие! – Я с оружейниками поговорил. Они сказали, что чисто в теории, если консервация прям вот совсем правильная, то так и бывает. Да и по маркировке видно, что они перед самым Случившимся вышли. За год, два.

– Именно так. К тому же, этот, который нажаловался, на волшебников не валит.

– А вот это, – инспектор подскочил, – прямо таки отличный вопрос! Прям таки шикарный, не побоюсь этих слов! С неожиданным ответом. – А на кого?

– И? – насторожился князь, встопорщив бороду.

– Как его словам, – выделил Ру, – на Румпельном мысу уцелела военное место предков. То ли пограничная застава, то ли поселок бронелобов.

– Уцелела? – прищурился князь.

– А на столах горячий обед не стоит? – Говорит, что да. Вернее, – поправился инспектор, – ему так сказали. Вроде как даже стекла в окнах целые. И в комнатах кровати одеялами синими застеленные.

– Вот насчет обеда ничего не сказал. Его бы муравьи давно съели. Или едведи проломились бы. Зато там, опять же, якобы, говорит, что весь арсенал цел. И вообще, даже генераторы в упаковке стоят.

– Генераторы... – мечтательно протянул князь. – Я работающих и не застал. А ты видел хоть раз?

– Раньше в Фурукамаппу раз в три месяца зажигали. Он у них переделанный, под какой-то самогон. Потом сгорел полностью.

– Так им и надо! Ненавижу! – князь три раза сплюнул через левое плечо.

– Фурукамаппу должен быть разрушен! – поддержал его Ру.

– Ибо нехуй! – последние слова произнесли хором, как и положено.

– И когда он был на Румпельном?

– Не он сам. Пару месяцев назад какого-то бичейро выкинуло в Лагунной бухте, чуть ли не прям под крайние дома. По словам доходяги, он набрал там целую лодку добра. Но попал в шторм, и лодку швырнуло на мель. Добро, соответственно, ушло к крабам. Лагуньеры его малость попинали и закопали в болото.

– Оно и к лучшему. Неизвестно, куда бы он продавать повез. Фурукамаппу все-таки куда ближе. Считай, через перешеек и мертвяк...

– Устроились, суки! – поддержал Ру.

– И не говори!

Князь прошелся по кабинету, присел.

– Возвращаясь к обещанному тобой подвигу.

– Подвигу?..

– Не перебивай. Румпельный надо обшарить от и до. Нырнуть в каждую лужу, заглянуть под каждый листок. Песчинки можно не переворачивать, это излишне.

– Полезная затея, – осторожно согласился Ру.

– У меня все затеи полезные. Возьмешь команду Ильфа.

– Кхм... – кашлянул инспектор.

– А кто, кроме тебя? Дело внезапное, значит, самое то. По профилю, так сказать. Никто кроме тебя.

Ру побледнел, но не произнес ни слова. Даже дышал почти бесшумно.

– Так вот, возьмешь команду Ильфа...

– Ильф помрет на днях.

– Это с чего вдруг? – теперь уже князь удивился.

– Они в последнем деле умудрились щитомордника найти. Тот Ильфа за руку и грызнул. Руку отмахнули топором, но то ли яд успел пойти, то ли топор был в говне. Лежит Моржовый, чернеет, вопит, пахнет нехорошо.

– Внезапно, – хмыкнул князь. – Еще понимаю, если бы стрелу жопой поймал. Но щитомордник, и за такое место?.. И кто после Ильфа шел?

– Кордон.

– А, помню такого. Туповат, конечно. Но с другой стороны, ума острого нет, – князь с ухмылкой взглянул на инспектора, – прежде чем херню творить, пытается думать.

– Толковый он, – нахмурился Ру. – Просто с начальством спорить не любит. Вот и молчит часто.

– Тебе виднее. Значит, план вкратце такой: берешь команду Кордона, катамаран, и плывешь на Румпельный. Там все проверяешь. И назад. Разумеется, с добром. Или сразу в Фурукамаппу бегите, – на последних словах князь улыбнулся, – шучу, конечно. Бегать никуда не надо, и там найдем.

– Надеюсь, что шутите, – попытался в ответ улыбнуться Ру. Вышло неубедительно.

– Недели хватит?

– Должно, – кивнул Ру. – Туда два дня, обратно два дня. Там три дня... Хотя, нет. На те болота я бы неделю заложил. Можем не успеть. Две недели, не меньше.

– Две так две. Можете там хоть месяц сидеть. Главное, чтобы результат был.

– Никуда он не денется, – бодро пообещал инспектор. – Будет!

– Лишь бы не отрицательный. В нашем случае, это херня, а не результат. Понял?

– Как не понять?

– Выходите через два дня.

– «Были сборы недолги, от Виная до Корды...»

– Не учите едвеля человека есть! – обиженно буркнул Ру. – Ты мне тут еще затанцуй, литератор! Воеводу предупрежу, он все разъяснит кому надо. И никому, слышишь, никому со стороны!

– И не собирался. Все равно, что-то не так пойдет. Это я так, для пущей бдительности.

– Да ее, вроде и так, через край.

Румпельный мыс... Несколько десятков квадратных километров сплошных болот. Камыш, рогоз, вездесущие шипшовник с бамбучником. Внезапные омуты и трясины. Белоножка – лютая мошка, выгрызающая куски мяса и множество других неведомых тварей. Туда даже едведи особо не шастали. Неудивительно, что там действительно что-то от

предков могло сохраниться в таких масштабах. Но отчего не проржавело до трухи, и не рассыпалась от могучего буйства растений, чьи корни ломают любую кладку и пробиваются даже сквозь железобетон? Выйдя из Зимника, Ру сел на крыльцо. Хотелось закурить, а потом застрелиться. И чтобы мозги на дверь плеснули!

И как там искать ту неизвестную заставу? Кстати, а откуда там могли быть пограничники? Ру попытался вспомнить схему размещения. Ближайшее подразделение базировалось в Головешке. Но это слишком близко, и так не дублировали даже при советских. Значит, все же армейцы. Но что делать пушкарям или бронелобам посреди болот? Загадка!

Инспектор, немного приведя мысли в порядок, поднялся. Отряхнул штаны. Хочешь, не хочешь, а идти все равно придется. Не сбегать же к тем, у кого на главной площади каменный человек на постаменте?..

Возле «длинного дома» стояла удивительная тишина – даже чайки на крыше не галдели, а чинно сидели на обгаженном коньке, чистя перья. С чего начать? Наверное, с Кордона. Как раз по пути будет, до длинного дома десять минут неспешным шагом. Вряд ли новоявленный комком где-то еще. Холостой солдат, если кабак закрыт, скорее всего, дрыхнет у себя. Вряд ли сразу после рейда сбежал на промысел. Их и тут неплохо кормят.

Ру прислушался. Нет, действительно полная тишина. словно все команды дружно и с песнями разбежались по окрестностям, дабы подгадить гнусным вражинам на всех направлениях. Перепились, что ли, пучки борщевиковой?..

У входа в длинный дом, под навесом из старого щелястого бамбука, на высокой тумбочке с множеством ящичков, сидел дежурный. Клевал носом. Услышав шаги, вскинулся, уставился, скривив рожу. словно и не должностное лицо пришло по архиважному делу к доблестным защитникам княжества, а какой-то гнуснопрославленный борян заглянул, норовя все стенки обмазать испражнениями

Судя по красным глазам, военный или пил всю ночь и кусок утра, или с рассвета бродил по ипритке, впитывая организмой летучие яды. – Чо надо? – дежурный был весьма едведеобразен – не мать, так бабушка в дубняк бегала. Ширь, высь, меховость... Разве что не серебристая, как у настоящего едведя, а буро-грязная, давно не мытая.

– Говна, – вежливо улыбнулся инспектор. После разговора с князем его мучили разнонаправленные желания. С одной стороны, хотелось быть приличным и вежливым. С другой стороны – что ему еще плохого могли сделать? И так на Румпель послезавтра...

– Чо? – рука сержанта поползла к поясу, к рукояти табельного мочета.

– Через плечо, – еще вежливее оскалился Ру, – говна надо, чтобы тебя в него рожей сунуть. Ты чего на людей кидаешься, как не знаю кто, будто простейший какой-то.

– Кто простейший?

– Ну не я же! Я – инспектор по внезапным вопросам. Не узнал?

Ну точно – бухали всю ночь, перегаром так и прет. Ру поморщился. Дежурный захлопнул устрашающую пасть (или к кашалоту бабушка плавала в ночи?), руку от мочета убрал. На лице отобразились попытки подумать.

– Кордон и его команда здесь?

– Здесь, – кивнул дежурный, растеряв воинственность. Видать, узнал. – Не совсем здесь. Команда на склады ушла, а Кордон здесь, да.

– А где именно?

– Дрыхнет, – заложил соратника дежурный, не моргнув. – Второй кубрик справа по

коридору. Только он балдой в сракотан.

– В такое время? – удивился Ру. Посмотрел на солнце. Ну да, и полдень еще не миновал. Солнцу до зенита ползти и ползти.

– Это он прям внезапно, не одобряю.– Ильф помер, – вдруг хлопнул носом бравый военный.

– Сломался, значит, Моржовый, – протянул Ру. И подвел черту:– Ну и хер с ним! И да, премного, так сказать, это самое!– И мы... А Кордон как узнал, у себя закрылся с двумя канистрами. И все. Так что, стучи громче. Он как поссать сходил, вроде упал. Грохотало сильно.

– Если не мы, то кто? – удивился дежурный.

– Ваша служба и опасна, и трудна, – предположил Ру. И двинул по коридору, по указанным координатам. Вытертая шкура линолеума под ногами проседала и поскрипывала – пол в длинном доме давным-давно нужно менять. Плахи высохли и разболтались.

Но лежащий на скомканной циновке человек дверь заблокировал надежно. Дежурный оказался прав – свежееиспеченный командир команды не сладил с собственными ногами и упал, не доползя до кровати. Толкнул нужную дверь. Та приоткрылась на ладонь и уперлась во что-то мягкое. – Наш новый комком – удивительный пошляк, – пробормотал Ру, пытаясь расширить щель, – напиваться всего-то с двух канистр! Куда катимся? Кем родину защитим?

– Ага! – радостно отозвался солдат. Отлепился от стены. Отодвинул инспектора. И навалился плечом на дверь. Та, жалобно захрустев, начала открываться. Зазор вскоре образовался вполне пригодный для щуплого инспектора.– Уважаемый, – пропыхтел Ру дежурному, который стоял рядом, привалившись к стене и наблюдая за попытками инспектора, – помощь нужна.

– Хватит!

Но дежурный, войдя в раж, давил и давил. Дверь стонала.

– Да все, нормально уже, хватит!

Но солдат додавил до середины, после, от души приложился ногой в нижний угол. Из комнаты раздался глухой стон.

– Если ты его убил, то я всем расскажу, как дело было!

– Да и ладно, – отмахнулся дежурный, – Кордону по голове ломом вьебали, только шапку помяли!

– Удивительной крепости люди, – хмыкнул Ру, одарив солдата улыбкой, намекающей, что тому пора на пост.

Ру с трудом удержался от соблазна, чтобы не потрогать сведенные посмертной судорогой когти – острые ли? И так понятно, что не тупые. Чтобы ухватить скользкую рыбу они такими быть просто обязанными. Хорошо, орланы людей не охотят. Инспектор зябко повел плечами, представив, как рушится из небес черно-белая смерть с оранжевым клювом. Нет, нам и людей с едвядями хватает для веселья!Перешагнув через поверженное тело хозяина, инспектор огляделся. Знал Кордона не первый год, а в гостях, в длинном доме, ни разу побывать не довелось. Что ж, не так много потерял. Обычная берлога солдата. Немного мебели – узкая кровать, где с женщиной особо и не развернешься, крохотный стол, заваленный чашками, тарелками и прочей посудой, запертый высокий шкаф и множество полок на стенах. На полках – две стопки одежды, банки с «железной» мелочевкой и нехитрой консервацией – такой, что можно чуть ли не в полях соорудить, явно продуктовые мешочки, несколько бутылок темного (а оттого и непроницаемого для любопытного взгляда)

стекла, четыре канистры-десятки, походные чайник и кастрюлька с крышкой, закопченные до густой черноты. Лежал округлый мягкий чехол из желто-красной пивыхи – очевидно, с самопалом – для факелнета коротковат. На отдельной полке, у шкафа – чтобы от солнечных лучей закрывал, черепа. Три человеческих- один с чудовищным проломом на макушке, то ли обухом топора, то ли крабьим молотком херакнули. Один сивучиный. Два едвежьих. Оба просто гигантские – по полметра точно. И клыки-ножи в полтора пальца! Вокруг черепов лежали разноцветные камни, зеленые, красные, прозрачные, черные... Над черепами, на подкладке из полированного дерева в виде капли воды, крылья. Слева – пестрота филина, справа – строгое сочетание белого и черного – белоплечий орлан. Под крыльями – на гвоздиках висели высушенные лапы хищных птиц.

Инспектор обошел комнату кругом. Еще раз осмотрелся. Вроде все разглядел, что хозяин показать хотел. Залезть бы в ящики запертого шкафа... Но за такое бьют ножом в печень и бросают истекать кровью. И ни один суд не посмеет обвинить солдата, убившего инспектора за излишнее любопытство.

– Сложно жить в нашем жестоком мире любознательному человеку, – грустно заключил Ру и сел на кровать напротив лежащего Кордона. Солдат чуть слышно сопел, уткнувшись лицом в циновку.

– Просыпайся, надежда Руруя, – ткнул инспектор комкома ногой в плечо.

– Спишь, – подтвердил Ру, не желая противоречить очевидному, – спишь, и тебе снится, что тебе очень хочется поссать. Аж глаза пожелтели, так хочется. Жур-жур-жур бежит водичка... – Нахер иди, – просипел Кордон, не отрывая лица от пола, – я не надежда, я сплю.

Для убедительности инспектор приоткрыл кран на умывальнике. Тот соорудили не из банальной канистры, как у практически каждого, а из пластикового ящика с неприлично толстыми стенками. Наверное, когда-то это был переносной холодильник.

Ру снова вздохнул – сколько у предков имелось полезных железок. И до чего они докатились, а?

Кордон лежал неподвижно. Но капля вытекала за каплей. Ру приоткрыл сильнее. Потек ручеек.

– Сука ты, – прохрипел наконец комком. Поднял голову, уставился мутными красными глазами на инспектора. – А, а я тебя знаю. Ты Валрус, который, инспектор по.

– Тот самый, – Ру завернул кран, – который по всяким разным вопросам.

– Выпить есть? – Взгляд Кордона блуждал по комнате, остановился на инспекторе.

– Откуда? – развел руками тот. – Я ж на службе с собой не ношу, а где у тебя что лежит, я не знаю.

– Ничего не лежит, – мотнул головой комком и покаялся, – я все выпил.

– Силен! Вот что горе с людьми делает.

– Радость, – с похмельной искренностью признался солдат. С кряхтением, перевалился, сел, облокотившись на кровать, посмотрел искоса на Ру. – Я тебя сучил, инспектор, а ведь падла не ты, а я. Ты по службе мудак, а я по жизни.

– Бывает, – дипломатично заметил Ру.

– Самое нормальное человеческое чувство, – Ру встал с кровати, поправил замявшееся тощее одеяло. Зачерпнул чашкой – хорошая чашка, старая, с гербом пограничников – воды из умывальника, протянул Кордону. – Нихера оно не бывает! – Кордон стукнул кулаком по стене. Стекло на полках и столе мелко задребезжало. – Люди погибли, а я радуюсь. Как борян самый настоящий. Едведь я дикий, а не человек...

Тот кивнул, принял. Выпил одним глотком. Только кадык дернулся.

– Что Ильф гондон, что Провод. Что один херню вечно делал, что второй.

– Судьба такая у Ильфа, что парус ему криво поставила, и щитомордника из норы вытряхнула.

– Я Провода все собирался позвать выйти поговорить, – икнул комком, – я бы ему башку открутил. Ру снова набрал воды, и, сев обратно на кровать, протянул чашку комкому. Кордон выпил и эту, но помедленнее.

– И на полочку? – Ру указал в сторону трофейной стены.

– Такое говно и на полку? – удивился комком. – В сортир. И гадил бы на него каждый день. А хули он?

– И действительно...

– Ибо нехуй, – утоливший жажду Кордон протер лицо, зевнул.

– Слушай, а зачем умывальник у тебя из холодильника?

– Так там набивка вся осталась. Летом вода холодная, зимой можно пару чайников туда плеснуть и не стынет долго.

– Ловко, – кивнул Ру, – я бы сразу и не сообразил.

– Попизди, ага, не сообразил бы он... – Кордон снова зевнул, вытянул ноги, оглянулся на кривую дверь. – Ты зачем пришел, Валрус?

– Поздравить, – пожал плечами Ру. – Ну и воды тебе подать в трудный час.

– Ссынулька нашелся, – Кордон попытался плюнуть, но не получилось. – Набери еще воды, родственник.

– Держи.

Кордон допил, вернул чашку. Посмотрел на Ру. Оба невысокие узкоплечие, с легкой смуглостью на высоких скулах. Может, и вправду, родственники? После Случившегося чего только не случалось! В основном, конечно, плохого – на островах иной статистики не бывает. Впрочем, что в темных годах происходило, там пусть и остается.

– Ну так?

– Наш великий и мудрый князь, да удлинится у него уд и не отвалится борода, нам с тобой поручил одно важное дело. Величайшей важности и невероятной трудности. И никто, кроме нас.

Кордон провел ладонями по лицу, словно стряхивая паутину.

– И что он хочет?

– По мелочи, – скривился Ру, – метнуться на Румпель, кое-что поискать. Обязательно найти и привезти сюда, под ясны очи

– На Румпель? – уточнил Кордон. – В тамошние болота? Метнуться?

– Все верно ухватил.

– Бля, – выдохнул комком. – Да ну нахуй, бля! В осень на Румпель лезть. В болота. Не, нахуй.

– А ты что, подумал, что я насчет сложности шучу?

– До последнего, – признался комком. – Оставалась, так сказать, надежда.

– А вот хуй, – криво усмехнулся инспектор. – Я сам рад, что словами не передать. Выходим через два дня, на «Коте». В смысле, послезавтра, ага. Собирай своих, пусть готовятся, и все такое. Ну то, кому я по ушам езжу, ты сам в курсе.

– В хюurse, – вежливо ответил Кордон. И добавил, подумав: – лучше бы тот щитомордник меня грызнул. Хоть за жопу, хоть куда. Оно хоть помирать быстрее.

– Думаю, там щитомордников хватает.

– Ой, да иди ты нахер, инспектор!

Инспектор и пошел. Настроение человеку испортил, день, считай, удался.

Мысли в голове путались, цеплялись друг за дружку, оттапывали хвосты и лапы... Когда Ру ушел, с третьей попытки закрыв дверь, Кордон еще немного посидел на холодном полу. Пытался собрать себя в кучу. Получалось плохо. Пучка из борщевика, да на свекольный самогон... Комкома передернуло. И ведь сам виноват, кто заставлял допивать? Собрав всю волю в кулак, Кордон поднялся, снова похлебал воды, опустив голову в умывальник – ни к чему эта мелочная возня с чашкой. Опять же, руки дрожат, можно расколотить – как потом на пол падать, на осколки?.. Утихомирив бушующее в кишках пламя, Кордон решил, что надо собираться. Выходить же завтра. Или сегодня вечером? Бля! Гребанный инспектор! Не мог повторить... Хотя, нет. Говорил, что через два дня. Или три? Не, точно, два! Херово. Раз назначили, то не отмазаться. Князь в таких делах крутой как обрыв. Будем считать вступлением в должность. Дебильский окорот наоборот. Странная фраза, конечно, и кто только выдумал...

Дорога на Румпель не сложная. Ушли подальше в море, чтобы не напороться на рыбаков и патрули, ночью просочились. В камышах не то что «Кота» можно спрятать, там и грузовой катамаран потеряется, хрен найдешь. Да и искать никто не будет – невозможно прочесать те места. И как там искать то, что нужно? Одна надежда, что оно большое будет, чтобы хрен промазать...

Опять же, Ру – неплохой мужик. Для своей едвейшей должности, так прямо сказать, даже хороший. Пиздлив сверх меры, но в основном по делу чешет. Могли вообще с Толаем отправить!

При мысли о возможной замене, комкома вывернуло – хорошо, успел подставить ведро.

Сполоснув рот от липкой кислятины, Кордон решил, что времени, в общем, полный трюм. Нищему собраться – хер через плечо перекинул и пошел себе дальше...

Вот прям сейчас и начнет... С той хорошей мыслью, комком прилег на прохладный пол, подгребя под голову циновку. Он полежит немного, с открытыми глазами, и начнет собираться.

Дежурный на выходе даже ладонь вскинул к виску. Ошарашенный Ру неуклюже ответил – не привык к внезапным почестям. Инспектора по внезапным вопросам обычно провожают молчаливой руганью в спину, да и встречают, чаще всего, ровно так же. А тут по всем правилам! Как воеводу!

– Благодарю! – инспектор замешкался на миг, пытаясь вспомнить нужные слова, – за службу трудовому народу!

Взгляд солдата тут же поскущел.

Вариантов стало приемлемо меньше – теперь могла выручить самая никчемная монетка. Но инспектор, сунув руку в карман, понял, что денег нет, и даже волю случая не узнать. «Не угадал», понял Ру. Насрать. Не тот человек, чтобы его рожа скучная волновала. Пусть хоть облезет. Выйдя за двор длинного дома, инспектор задумался. С холма вело четыре дороги. Одну Ру сразу отбросил – к лодкам и катамаранам, что лениво колыхались у каменного пирса на долгих низких волнах, бесстыдно виляя голыми мачтами, спешить не стоит. Впереди несколько дней на палубе. Болтаться и болтаться. Ру обычно чаек не кормил, но на суше чувствовал себя куда увереннее. Ну его, то море! Оно и мокрое, и холодное. Еще и крабы в нем живут. С клешнями. Идти по самой короткой – сорок шагов с мелочью, тоже не хотелось. Полноценных грехов и мелких грешков за собой Ру знал множество, о некоторых догадывался. Но пока что про большинство, окружающие не знали. Поэтому, никакой торопливости в жизни, и в тюрьму – ни ногой!

Ру, не удержавшись, плюнул. Плевок повис на краю широченного листа белокопытника, закачался дивной брошкой на цепочке... С другой стороны – логичнее покопаться в домашних запасах, затем наведаться к любящим родителям, и, выслушав долгие ненужные словеса, пошарить на их складе. Уж не оставят сыночку голым и босым, как бы не проклинали в застольных беседах «мерзкое княжеское охвостье». Слова словами, а кровь родная, и он сам не последний человек в княжестве. Не калан насрал. А что болтают, так и пусть им! Они же не знают, что соседи исправно докладывают чуть ли не каждое слово, вот и не стесняются... В Фурукамаппу сбежать не хотят, а остальное можно и потерпеть, княжеству вреда в болтовне нету. До определенного предела, разумеется. И только потом, когда все, доступное бесплатно, окажется в его кармане, можно и на торги сходить, скрепя сердце и зажав в потном кулаке тощий кошелек. Пять тысяч за самопал – ну пиздец же, товарищи, куда катимся!?

– А я что? А я ничего... – пробормотал инспектор, бросив взгляд по сторонам. – Если б я знал, что так оно обернется... Вот лучше бы Толаю те патроны сраные на глаза попались! Его хоть не жалко! Или вообще, надо было в грязи и притоптать, чтобы не всплыли никогда. Эх... Попал тюлень в сеть, пищи и тони, ни хрена ведь не сделаешь!

Битый кирпич под ногами сменился базальтовым крошечком и крупной галькой – после схода снега, мостить улицы стогнали добровольцев, которыми назначали почти весь город. Даже из тюрьмы злодеев вытаскивали – пока крабов нет, пусть работают, нечего прохлаждаться! Разве что совсем маленькие детишки по домам сидели. А иначе никак. В грязи утонем. И будут по нам щитомордники ползать, чешуйчатыми брюхами тереться. Выругавшись, и снова плюнув – на этот раз, куда удачнее, Ру тяжело вздохнул и зашагал по дороге, выложенной желтым битым кирпичом. Путь был недолог – Руруй

обширностью площадей не поражал. Две параллельных улицы, три переулочка – в центре один, и по краям. Если сверху смотреть – кривоватая цифра «8», рубленая великанским топором на полене.

Ру шел, поглядывая по сторонам. Должность обязывала. Мало ли какой внезапный вопрос возникнет! Нужно быть готовым, и кисвой в ухо, ксивой! До всхлюпа. Чтоб крошево во все стороны! Костяное.

Невысокие – чтобы землетрясением сильно не ломало – дома и сараи, стены в копоти от пластика, крыши в чайках, дворы – в очень нужном мусоре, вешала с рыбой, распяленные шкуры на сушилках... Набор из пары сотне кубиков, переставляемых туда-сюда. Но вокруг было тихо, спокойно и однообразно. Как вчера, позавчера и неделю назад. И месяц с годом.

Со временем, а сидел он там долго, почти два года, привык, конечно. И перестал удивляться равнодушию местных. Забавно, кстати, но на «местных» в Фурукамаппу всерьез обижались. Мы, мол, «коренные»! Попадавшие по дороге, здоровались все как один. Когда-то, по долгу службы, оказавшись в Фурукамаппу – как раз очередное перемирие наступило, с камнепоклонниками, Ру долго не мог привыкнуть, что люди там просто проходят мимо друг друга, даже не кивнув – мол, увидел, шибко рад.

И в чем, блядь, принципиальная разница? Глупое понятие. Когда-то далеко в прошлом, еще до Случившегося, тут все были приезжими – айнов, самое коренное население выбили японцы, потом желтых пиздоглазов самих выгнали...

Но сейчас-то? Девяносто девять из ста живущих на Черном острове, тут и родились. А то и больше! И отцы-матери так же. Редко-редко кто появлялся из других мест – море и океан выносили заплутавших рыбаков, везучие пленные, кого не пристукнули в бою... Да то, все из Саппоро или с других островов Архипелага, с тех, которые поближе. С Цытронки, с Зеленухи с Шико... Чуть дальше – все, никого.

Еще в детстве, ему тогда было лет десять, Ру нашел на отливе «радиву». Почти целую! Корпус без царапин, ржавчины совсем немного. Казалось, оботри, обсуши и включай. Слушай мир! С находкой прибежал к деду по матери. Мол, давай это починим или новый сделаем! Или не можем? Ру, облазивший чуть ли не весь остров, знал только троих в Руруе, кто родился не здесь. И всего дюжину по другим городам и поселкам. И нахрена той «коренностью» понтоваться? Смысл? После Случившегося, связь с окружающим миром пропала. Как течения и ветра в тот день сошли с ума, так и буйствовали до сих пор, разве что немного умерив пыл и непредсказуемость. Как говорили те из стариков, кто помнил мир До, тот же пролив между Черным островом и Я-масиром, раньше был в два раза уже. И течение позволяло, чуть ли не на веслах против него идти. Сейчас же – никакие паруса не помогут. Дорога в один конец. И на Я-масире определенно не хватает безумцев, способных так рискнуть.

Погрузившийся в воспоминая, инспектор опасно утерял бдительность. Его перехватила и подсекла Шурапетра. Бабулька не вредная, местами даже полезная. Но совершенно неостановимая в болтовне. И не видящая краев в сочинительстве и хвастовстве. Масштабы событий и значимость лиц, в них задействованных, росли неудержимо. К примеру, с месяц назад Шурапетра рассказывала у водонабора на ручье, как она бывала с дедом нынешнего князя в одном доме. Пару недель – что за одним столом. А сейчас – что Судр Рябой сидел рядышком и допускал всякие вольности. Глядишь, на днях и князя внучком объявит, не постесняется. – Можем, – ответил дед. И продолжил, в основном, непонятными словами. – Как не мочь-то? Простой детекторный приемник собрать не сложно. Даже я могу, если

покубатурю маленько, да чертежик какой найду. Только с него толку нет. Ни малейшего. Да и опасно включать. Десять минут, и все. Весь эфир засорен. Не пойми чем: по всем волнам то ли вой, то ли стон. А если долго слушать, говорят, на песню похоже. И кто заслушается, у того чердак течёт. У нас такой был. Фимка, "Радистом" звали: приёмничек сладил, слушалку от старых наушников в ухо – по ночам в дозоре тайком в эфире шарился. Всё думал чего-нибудь поймать... – И чего? – А ничего. Что-нибудь и поймал. Ночью разделся догола, одежду на берегу сложил – и в море ушёл. Прямо с приёмником в ухе. Так что опасное это дело, внучок. Цепляй записки к птичкам, да не выёбывайся. – Ну, а отчего ж так-то? – Последствия Случившегося, мать его... Так что, выкинь ты из той «радивы» потроха и утопи. А коробку оставь. Она ж вон, почти целая. Пригодится. От коробочек с ума не сходят.

Сбежать без весомого повода смертельно опасно. Шурапетра могла такое придумать, что до смерти не отбрешешься. Притом, все будут знать, что пиздежь, но за спиной продолжат гнусное хихиканье. Люди, чтоб им! Лишь бы языками потрепать, да зубы посушить! Выслушав кучу сплетен, привычно деля каждую на десять, Ру все же сумел вывернуться, сославшись на лютую занятость. Вышло убедительно – с пожеланием встречать на пути злодеев подорожнее.

Наконец Ру оказался у своего забора. Скинул веревочную петлю с калитки – на острове дворы запирались чисто символически, от собак да нахальных лисиц. Зашел во двор, горько вздохнул. Его владения ничем не отличались от соседских. Тоже самое! Хлама нихера не меньше, чем у других. А то и больше. Дом достался с историей, а значит, с запасами. В итоге, и с чужим не разобрался, и своего натаскал. Вот зачем, спрашиваешься, два десятка буюв? Плот делать, как в детстве? Или связка бамбука у стены. Он уже насквозь потрескался, даже в топку не пойдет! Или те вот мешки рваные?..

– Ладно, как вернусь, так все и разберу, – храбро пообещал Ру, – пару недель и так постоит!

Кордон проспался к обеду. Открыл глаза. Вспомнилась унылая рожа Валруса. Комком уныло выругался, помянув инспекторскую маму, диван-клоповник и пятерых японцев из Саппоро. В голове по-прежнему бушевал тайфун. Бросался с размаху на камни разума, крошил соображалку могучими волнами в густой кисель – типа осьминожкой подгнившей вуали...

Но ходить комком мог, руки слушались, глаза сами собой не закрывались, а значит, нужно собираться. А то ведь только кажется, что двое суток это много. Нихрена подобного.

Растерев воду старым, пожелтевшим полотенцем, Кордон пригладил растрепавшиеся волосы, прикинул, что стричься, в общем, рано, а бриться перед рейдом – плохая примета. И лень. Комком сунул голову под кран, открыл целиком. Вода из умывальника текла долго, вымывая хмель и головную боль... Вот же Ильф гондоном-то оказался! Вроде и помер, и закопали, а гадит.

Дневальный из молодых, лопоухий и рыжий – прямо захотелось в лоб закатить, настолько мерзкий, явился на вопль быстро, службу, видать, понял. – Дневальный! – заорал комком, высунувшись из комнаты. Тут же осекся, от крика в голове что-то лопнуло.

– Мои где? – тихо спросил Кордон.

– На склад ушли, – доложил лопоух, – их вызвали то ли что-то перекладывать, то ли что-то укладывать. Слово такое сложное, я не запомнил.

– Ведро трансмиссии ищут, – протянул комком.

– Точно! – обрадовался дневальный. – Ту самую, миссию.

– Щас как дам в лоб, уши отвалятся, трансмиссия ты, бессмысленная! – хмуро пообещал

Кордон. – Шустро метнись на склад, ищи, говори, чтобы срочно сюда.

– Срочно? – переспросил рыжемерзкий. – Они же там работают...

– Совсем дурак? – прищурился комком. – Я тебя тут, почему до сих пор вижу?

Дневальный, побледнев веснушками, ускакал. Мотыля на ходу ушами. Ну чисто слонопотамий из детских сказок. Интересно, как его в детстве дразнили. Нужно у Валруса спросить. Эта сволочь все про всех знает.

Первым делом Кордон вытащил из-под кровати маленький, на полторы канистры, рюкзак, и огромную сумку, из обрезков и лоскутов пывыхи. Пывыху море выбрасывало разную, поэтому сумка была многоцветной, а на солнце иногда переливалась, что хвост молодого ссынка. Кордон услышал, как хлопнула дверь длинного дома. Удовлетворенно кивнул и всунулся в комнату, будто улитка в панцирь. Пока мелкаш добежит, пока найдет, пока в лоб получит – а не отрывай занятных людей, пока объяснит, пока команда соберется и придет... Времени – полный трюм. Даже, наверное, слишком много. Возник соблазн накатить. Клоповки, исключительно для здоровья. Стаканчик, не больше. Давление уравнивать. Назойливое видение запотевшего стакана с красной густой жидкостью, Кордону удалось отогнать, лишь собрав всю волю в кулак. Это ведь сперва один стакан. Потом второй. И третьему место найдется. И послезавтра вывернет прям на пирсе. Воеводе на сапоги. Или князю. Одно хорошо, если такое случится, Румпель останется в прошлом. Вроде мелочь, а приятно. Плохо, правда, что кроме Румпеля, в прошлом останется все прочее. А все настоящее и будущее будет состоять из махания крабьим молотком и остриженных клешнями пальцев... С другой же стороны, у Кордона, только он начинал думать о грядущем рейде, нехорошо сжималось в груди. И списать это на похмелье не удавалось. В предчувствия лучше не верить – трус умирает сто раз. Но все равно – неуютно до крайности.

Удивительные, конечно, ящерицы – живут только в кипятке вулканических ручьев, умирая на воздухе за час-полтора. Наверное, от холода.

Рюкзак Кордон сразу же переставил к двери. В «штурмовик», собранный перед рейдом, ставшим последним для Ильфа и Провода, он не залезал. Там все в порядке и на месте, нечего проверять – герметизируй потом! Пакетов-то, море давно не выбрасывает, а они рвутся.

Одежное, огневое, ремонтное, едовое, мыльно-рыльное, рыболовное, лечебное и малость боевого – запасец наконечников для стрел и маленького копьеца – так, из кустов в брюхо ткнуть. Порох, свинец, пыжи на пяток выстрелов. В общем, шли бы дней на пять, хватило и его. Но нет, блядь... Ебанный Румпель, чтоб его цунямей размыло к херам моржовым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5td>